

Т. Н. КОПРЕЕВА

Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа (опыт реконструкции)

Одной из ведущих черт средневековой Руси была своеобразная этикетность, отражавшая явления, характерные для эпохи феодализма. Исследователи отмечают, что «взаимоотношения людей между собой и их отношения к богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемониалу, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека».¹ С наибольшей силой эта этикетность мышления распространялась на изображение средневекового человека, которое подгонялось под нормативный идеал христианина.² Это обстоятельство должно быть принято во внимание при любой попытке проникнуть во внутренний мир человека данной эпохи, какую бы цель при этом не преследовал исследователь.

Подлинный мир древнерусского человека оставался и остается скрытым от глаз читателя и поддается прочтению в значительной мере только по косвенным данным. Однако живая жизнь всегда и везде нарушает и в конечном счете разрушает любые каноны, трафареты и шаблоны, как бы устойчивы они ни были.³ Древнерусская литература оставила нам некоторое число произведений, стоящих особняком в этом общем литературном процессе. Для изучения подлинного, а не идеализированного человека феодальной эпохи, его внутреннего мира особенно большое значение несомненно имеют произведения, созданные на автобиографической основе, начиная с гениального «Поучения Владимира Мономаха» и вплоть до Жития протопопа Аввакума. В их ряду стоит и Киево-Печерский патерик, обе части которого объединяются вокруг имени инока Поликарпа. В первой части Поликарп является тем лицом, в адрес которого написаны обличительные послания епископа владимирского и суздальского Симона. Во второй части инок Поликарп сам обращается с посланиями к печерскому игумену Акиндину. Нет сомнения, что все три лица — не вымышленные литературные герои, а живые люди, действовавшие в начале XIII в. Епископ Симон, сам в прошлом инок Печерского монастыря, был одно время игуменом Владимирского монастыря Рождества богородицы; он умер 22 мая 1226 г. Письма Поликарпу им написаны незадолго до смерти.⁴

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 84.

² Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 64—66.

³ Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 30—31, 42.

⁴ Д. И. Лбрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. XXVIII.

Послания наполнены реалиями из биографии как Симона, так и Поликарпа. Особенно ценны сведения, дающие возможность воссоздать внутренний мир обоих, черты характера, жизненные принципы, отношения к окружающей среде и самим себе. Симона мы видим односторонне — только из его слов, зато о Поликарпе можем судить не только со слов Симона, но и из его собственных высказываний о себе, что делает его образ как бы объемным и не статичным, а находящимся в движении.

Мы застаем его в момент перелома жизненной ситуации, подпавшим под суровое обличение и фактическую опалу, смиряемым и гонимым. Церковь ломала и смиряла и более крупные характеры, чем Поликарп. Однако сломился ли он, как это кажется на первый взгляд? Обратимся к самому патерику. Из слов епископа Симона, обличающего недостатки Поликарпа, перед нами встает человек хотя и в монашеской рясе, но полный мирских помыслов, «впадший» в «глубину житейскую»⁵ и потому неугодный церкви. Вместо того чтобы служить богу со страхом и смирением, Поликарп проявляет строптивость по отношению к монастырским властям (ропщет на игумена и его служителей, на повара и прислужников), на поношение отвечает не смирением, а бранью, осмеливается даже без разрешения церковных властей уйти из монастыря, чтобы добыть игуменство. Симон замечает: «Разумех бо тя санолюбца и славы ищещи от человек, а не от бога».⁶

По мнению Симона, у Поликарпа нет оснований чувствовать свою исключительность и «мудрствовать о высококом»: «Что таковое ты съдеа? Богатство ли остави? — но не име его; славу ли? — но не постиже еа».⁷ «Вчера пришел еси в чернечество, и уже обещаваешися, и прежде навывновения епископству хощеши, и законодавецъ крепок показуешися; и прежде своего покорения всех смирити хощеши; мудрствуеши високаа, с гръдынею повелеваа, съпротивно отвещеваа. Сиа вся навывкох от уст твоих, — яже помышляеши о земных, а не о небесных; о плотъских, а не о духовных; о похотех, а не о въздержании; о богатестве, а не о нищете».⁸ Даже в слабости зрения Поликарпа видит Симон знак, что не «угодно богу» его «старейшинство».⁹

«Что от человек сану ищещи, а не от бога?», — спрашивает он Поликарпа. «Сущим же от бога не хощеши повинутися и мыслиши високаа? Иже древле таковии с небес съвржени быша... Аз бо, рече, несм ли достоин уверитися таковому начинанию сана? Или хуждьши есмь иконома сего, или его брата спешаго».¹⁰ Это самоощущение Поликарпа, сознание им своей человеческой ценности представляется Симону наущением дьявола. Он продолжает: «И аще мене преслушаешися, каковен любо власти въскощеши, — или епископъству, или игуменьству повинешися, — буди клятва, а не благословение! ... Постыдевся, покаяйся и изволи си тихое и безмятежное житие, к нему же господь призвал тя естъ»;¹¹ «Съвет же ти даю: благочестием утвердися в святем том монастыре Печерьском, не въскощеши власти — ни игуменъства, ни епископства; и довалет ти к спасению, иже коньчати жизнь свою в немь».¹²

Поликарп отступает в этой борьбе. Он подчиняется и остается в монастыре до конца жизни. В письме к игумену Акиндину он покорно по-

⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 25.

⁶ Там же, стр. 75.

⁷ Там же, стр. 86.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 75.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 76.

¹² Там же, стр. 82.

вторяет: «Без святаго бо духа ничто же человеку дается на земли, аще не будет дано ему свыше». ¹³ Однако это самоуничижение кажущееся. Личность Поликарпа подавлена, но не уничтожена. Самоутверждение она находит если и не в практической церковной деятельности, то в писательском труде.

Поликарп подходит к своему труду вполне осознанно: «Но паче прежде реченнии черноризци ясно реку, а не в тайне, яко же и прежде: аще бо аз премолчу, от мене забвена будутъ, и к тому не помянутся имена их, яко же и было до сего дъни. Се же речеся в 15 лето твоего игуменства, еже не бысть помяновениа 100 и 60 лет, ныне же, твоеа ради любве, утаеннаа слышана быша и память любящим бога присно чтома и хвалима: яко тому угодъшеи от него венчашася. Мне же таковыми краситися — велие есть, и сим мнюся покрыти студа моего дела». ¹⁴

В этой оценке общественной значимости своего писательского труда нет столь характерного для писателя средневековья самоуничижения. Поликарп вполне осознает свое преимущество — знание предмета, о котором он пишет. Его труд понимается им как долг писателя перед потомками: «да и сущи по нас черноризци уведять благодать божию». ¹⁵

Знания, полученные им от Симона, позволяют ему чувствовать себя не простым регистратором происходивших до него за сто с лишком лет событий, но как бы творцом их: «еже токмо воспомяну слышаннаа — и творю, и мню, яко от мене изыскану быти чудотворию тех». ¹⁶

Последняя фраза — явление, совершенно необычное для «житийных» формулировок и трафаретов, в которых писатель всегда выступает не как творец, а как орудие, избранное богом совершенно произвольно, в ряде случаев из числа самых недостойных, «грубых разумом», «невежих» и т. п. Эта произвольность «божьего выбора» лишала писателей возможности открыто оценить свой талант, свое призвание, найти свое место в творчестве.

Этот отличный от литературного стереотипа той эпохи подход писателя к своей деятельности, на наш взгляд, является наиболее веским доказательством автобиографичности посланий Поликарпа Акидину, что не исключает признания за ними «литературного характера», так как Поликарп адресует свой рассказ не игумену лично, а широкому читателю.

Когда-то, в рассказе о смиренном и многотерпеливом иноке Никоне, написанном для назидания Поликарпу, епископ Симон писал: «Многа же и паче сих слышал еси от мене грешнаго епископа Симона и худъшаго в епископех, недостойна суща тех святых черноризецъ подножию. Им же, мню, не весь мир достоин, ни тому же самому списателю, исписати могущу тех чудес». ¹⁷

Литературный труд Поликарпа был как бы ответом на это утверждение. Poleмика двух антагонистов продолжалась и после смерти одного из них. Тот самый Поликарп, которого епископ Симон снисходительно наставляет и смиряет примерами из жизни отшельников, сам берется за перо, чтобы их прославить.

В первом послании игумену Акидину Поликарп откровенно говорит о том, что он сам принял решение взяться за перо, так как его устные пересказы игумену были сбивчивы и путаны: «Въспросил мя еси некогда, веля ми сказати от тех черноризецъ съдеанная, соведый мою грубость и

¹³ Там же, стр. 96

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 90.

¹⁶ Там же, стр. 96.

¹⁷ Там же, стр. 81.

неизящное нрава: иже всегда с страхом в всякой повести беседую пред тобою, то како могу ясно изрещи сътвореннаа ми знамениа и чудеса преславнаа? И мало нечто сказах ти от тех преславных чудес, а множайшаа забых от страха, стыдяся твоего благочестиа, неразумно исповедах. Понудихся писаниемъ известити тебе еже от святых и блаженных отецъ Печерских, да и сущи по нас черноризци уведять благодать божию, бывшу в святемъ сем месте. . .».¹⁸

Однако принятое Поликарпом решение, по-видимому, показалось окружающим его инокам неслыханной дерзостью и кощунством. Об этом мы узнаем из автобиографической ремарки к рассказу о блаженном Агапите: «Но, яко же рече господь, никоторый же пророк приятен есть в отечествии своемъ. . . Другим убо неприятна мнятся быти глаголемаа, величества ради дел, вина же есть неверованию — мене грешнаго суща съведя Поликарпа».¹⁹

Из этого горького признания очевидно, что окружающие считали Поликарпа недостойным взяться за литературный труд, а следовательно, «греховность» его, осужденная Симоном, носила отнюдь не обобщенно-символический характер, была не литературным приемом, а реально воспринимаемым церковными ортодоксами фактом.

В этой — очевидно, недоброжелательной писателю — обстановке Поликарп прибегает к излюбленному средневековыми писателями приему, прибавлявшему их от упреков в «славолюбии» и «величании» и создает новую версию того, что побудило его самого стать писателем. Он говорит, что пишет не по своей инициативе, а побуждаемый к этому авторитетным лицом, в данном случае игуменом монастыря: «Но аще повелить твое преподобство написати, их же ми ум постигнуть и память принесть; аще ти и непотребно будетъ, да сущим по нас пользы ради оставим . . . тем же и аз, грешный Поликарп, твоей воли работаю, дръжавный Акиндине, и сиа ти написах».²⁰

Это обстоятельство, очевидно, утишило страсти, что позволило Поликарпу (или другому редактору патерика) сохранить обе версии. И снова сквозь облик смирившегося инока, лишённого инициативы и самостоятельности, проступает страстный и волевой человек, знакомый нам по письмам Симона. Смирение его — только оболочка, маска, чтобы сохранить самого себя.

Поликарп неоднократно возвращается к самому себе в ходе повествования в своеобразных автобиографических ремарках. Эта привычка к самонаблюдению позволяет ему увидеть себя остраненно и обобщенно. Он подмечает в себе то, что угадывалось в нем и по письмам Симона, — страстность своей природы. Это дает ему повод в предисловии к рассказу о многотерпеливом Иоанне-затворнике прийти к такому обобщению: «Подобнообразиа и равнострастие имети рожденным на земли пръваго человека. Ибо, видев красоту овоща, не удржашеся и бога ослушася, и страстно житие приат. Ибо егда създан бысть, и не име порока на себе, яко божие создание есть: господь бо бог нашъ, пръсть въсприм от земля рукама пречистыма и непорочныма, создав человека блага и удобрена. Но он, аки кал земнаа любя, ко слаstem попользеся, и сласти ему приложишася. И обладан бысть оттоле род человекъ страстию. И во ины сласти уклонися, и боримы есмь всегда. И от тех един аз побежаюся им же и работаю. Смушаемъ помыслы душа моя, и страстне темь касаеся, и не ослабно

¹⁸ Там же, стр. 90.

¹⁹ Там же, стр. 95—96.

²⁰ Там же

хотение имый к сътворению греха, и темь, иже несть мне на земли всех, за многаа съгрешения моа, в них же и до сего часа пребываю». ²¹

Объяснение первородного греха и происхождения страстей в человеке, даваемое Поликарпом, несколько отличается от принятого церковью. Человек свободно избирает запрещенный плод за его красоту и земные радости (но вместе с ними и страсти), а не по наущению дьявола или движимый соблазном. Поликарп признает греховность страстей через свою греховность (в этом Поликарп искретен, но не оригинален), однако здесь обращает на себя внимание отсутствие привычного мотива покаяния, хотя в идущем вслед за этим признанием рассказе и решается в традиционных формулах мотив борьбы с «плотолюбием». ²²

Итак, подведем итоги. Образ инока Киево-Печерского монастыря Поликарпа предстает перед нами в движении, в своей противоречивой сущности, как в посланиях к нему епископа владимирского и суздальского Симона, так и в посланиях самого Поликарпа к брату Симона — архимандриту Киево-Печерского монастыря Акиндину.

Несмотря на литературную обработку посланий, они полны реалий и несомненно отражают подлинные факты биографии человека, принявшего монашество в знаменитом монастыре, однако с трудом отказывавшегося от мирских привычек и страстей. ²³

Редактор Киево-Печерского патерика не уловил эту двойственность образа Поликарпа, особенно отчетливо выступающую благодаря соединению писем Симона и Поликарпа в единое произведение. Цель была назидательная — показать победу христианского идеала над живым, полным земных страстей человеком. Однако перед читателями встает другой образ: образ человека, отстаивавшего свое право на творчество, на самостоятельность и самобытность вопреки идеологическому давлению церковных властей, образ писателя, вышедшего за рамки литературного трафарета своей эпохи и приоткрывшего для читателя внутренний мир своего современника.

²¹ Там же, стр. 99.

²² Там же, стр. 99—101.

²³ Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике... стр. XXVIII.